

Толстой Лев Николаевич

**Божеское и человеческое, или Еще
три смерти**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Божеское и человеческое, или Еще три смерти / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77169-6

ISBN 978-5-519-77169-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Божеское и челоуѣческое

или еще три смерти.

1.

Это было въ семидесятихъ годахъ, въ самый разгаръ борьбы правительства съ революціонерами.

Генераль-губернаторъ южныхъ губерній, полный нѣмецъ съ отвислыми ушами, съ суровымъ взглядомъ и ничего не выражающимъ лицомъ, въ военномъ мундирѣ, съ Георгіемъ на шеѣ, однажды вечеромъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ четырьмя свѣчками подъ зелеными абажурами, читая и подписывая бумаги, оставленныя правителемъ дѣлъ. «Генераль-адъютантъ такой-то», подписывалъ онъ съ длиннымъ росчеркомъ, откладывая въ сторону бумагу за бумагой.

Среди бумагъ былъ приговоръ о повѣшеніи окончившаго новороссійскій университетъ Анатолія Свѣтлогуба за участіе въ заговорѣ противъ правительства, — и генераль, многозначительно нахмутивъ брови, подписалъ и эту бумагу. Своими бѣлыми выхоленными руками, сморщенными отъ старости и отъ мыльной воды, онъ бережно разглаживалъ уголки и клалъ бумагу одну на другую.

Слѣдующая бумага касалась разсчета за доставку провіанта войскамъ. Онъ внимательно прочелъ ее, спрашивая себя, правильно ли подведены итоги, какъ вдругъ ему вспомнился разговоръ, происходившій между нимъ и его помощникомъ и касавшійся Свѣтлогуба. Генераль-губернаторъ былъ того мнѣнія, что найденный у Свѣтлогуба динамитъ еще не есть доказательство его преступныхъ замысловъ. Между тѣмъ помощникъ настаивалъ на томъ обстоятельстве, что и помимо динамита имѣлось не мало уликъ, доказывающихъ, что Свѣтлогубъ вожакъ революціонной шайки. Вспомнивъ это, генераль началъ взвѣшивать доводы за и противъ, сердце забилося у него неровно, а дыханіе сдѣлалось такимъ тяжелымъ, что большой бѣлый крестъ, предметъ его гордости и утѣхи, задвигался у него на груди.

«Еще не поздно позвать правителя канцеляріи и если не отмѣнить, то отсрочить исполненіе приговора... Позвать его или нѣтъ?».

Сердце забилося у него еще болѣе неровно. Онъ позволилъ въ колокольчикъ.

Вошелъ камердинеръ быстрыми, безшумными шагами.

— Ушелъ уже Иванъ Матвѣичъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, они въ канцеляріи.

Сердце у генерала то замирало, то начинало биться порывисто. Онъ вспомнилъ предостереженіе доктора, который лишь за нѣсколько дней до того выслушивалъ его сердце. «Самое главное, — сказалъ докторъ, — чуть только вы почувствуете, что у васъ есть сердце, бросайте работу и развлекайтесь. Какія бы то ни было волненія вамъ вредны. Они вамъ не разрѣшаются ни подъ какимъ видомъ».

— Прикажете его позвать?

— Не надо, — отвѣтилъ генералъ.

«Да, молвилъ онъ про себя — ничто такъ не волнуетъ, какъ нерѣшительность. Подписано, и дѣло съ концомъ. *Ein jeder macht sich sein Bett und muss darauf schlafen*, — повторилъ онъ себѣ свою любимую поговорку. — И кромѣ того, это меня не касается. Я исполнитель верховной воли и обязанъ стоять выше всякихъ такихъ соображеній, — договорилъ онъ про себя, хмуря брови, чтобы вызвать въ себѣ самомъ ту суровость, которой не было въ его сердце.

Тутъ ему вспомнилась его послѣдняя ауденція у Государя, — какъ Государь, сдѣлавъ строгое лицо и устремивъ на него свои свѣтлые глаза, сказалъ:

— Я на тебя полагаюсь: какъ ты не щадилъ себя на войнѣ, такъ и въ борьбѣ съ революціонерами ты будешь поступать съ той же рѣшительностью. Тебя не проведутъ и не запугаютъ. До свиданія!

И Государь обнялъ его, подставивъ плечо для поцѣлуя. Генералу вспомнилось все это и свой отвѣтъ Государю:

— Мое единственное желаніе умереть за Престолъ и Отечество.

И вспоминая ощущенія подобострастнаго умиленія, охватившее его вмѣстѣ съ сознаніемъ самоотверженной преданности своему повелителю, онъ отогналъ отъ себя мысль, овладѣвшую имъ было на одинъ мигъ, подписалъ остальные бумаги и снова позвонилъ.

— Чай поданъ? — спросилъ онъ.

— Сейчасъ подадутъ, ваше превосходительство.

— Хорошо, ступай.

Генералъ испустилъ глубокій вздохъ и, потирая то мѣсто, гдѣ у него было сердце, тяжелыми шагами вышелъ въ большой пустой залъ и, ступая по недавно натертому паркету, направился въ гостиную, откуда доносились голоса.

У жены генераль-губернатора были гости: губернаторъ съ женой и княжна — пламенная патріотка; былъ еще гвардейскій офицеръ, помолвленный съ единственной незамужней дочерью генерала.

Жена генерала, сухощавая женщина съ узкими губами и холоднымъ выраженіемъ лица, сидѣла за низенькимъ столикомъ, на которомъ помѣщался чайный приборъ съ серебряннымъ чайникомъ на спиртовой лампочкѣ.

Съ аффектаціей грусти въ голосѣ она говорила губернатор-

шѣ, статной женщинѣ, одѣтой съ явнымъ желаніемъ казаться моложе, о своихъ опасеніяхъ за здоровье мужа.

— Каждый день докладываютъ, что открыты новые заговоры и тому подобные ужасы. И все это ложится на Базиля, все это онъ долженъ разбирать.

— Ахъ не говорите,—отозвалась княжна:—*je deviens féroce quand je pense á cette maudite engeance.*

— Да, да, ужасъ, что такое. Повѣрите ли, онъ работаетъ по 12 часовъ въ сутки, это съ его-то слабымъ сердцемъ? Я положительно прихожу въ ужасъ при мысли...

Завидѣвъ входящаго мужа, она не докончила.

— Да, вы непременно поѣзжайте его послушать. Барбини удивительный теноръ,—сказала она, любезно улынувшись губернаторшѣ, такъ непринужденно мѣняя разговоръ, какъ будто онѣ на самомъ дѣлѣ только-что говорили о пріѣзжемъ тенорѣ.

Дочь генерала, миловидная, рослая и плечистая дѣвушка, сидѣла съ женихомъ въ отдаленномъ уголкѣ гостиной, за китайскими ширмами. Она встала и подошла съ женихомъ къ отцу.

— Душенька, мы вѣдь еще сегодня не видались, — замѣтилъ генераль, цѣлуя дочь и пожимая руку ея жениху.

Поздоровавшись съ гостями, генераль сѣлъ за маленькій столикъ и вступилъ въ разговоръ съ губернаторомъ о послѣднихъ новостяхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите о дѣлахъ, это запрещено,—сказала генеральша, прерывая губернатора.—А, да вотъ и Копьевъ. Онъ намъ расскажетъ что-нибудь забавное...

— Здравствуйте, Копьевъ!

И Копьевъ, извѣстный своимъ остроуміемъ и юморомъ, точно, не преминулъ рассказать свѣжій анекдотъ, который всѣхъ разсмѣшилъ.

II.

— Да нѣтъ, это не можетъ быть! Пустите меня!—кричала мать Свѣтлогуба, стараясь вырваться изъ рукъ учителя, товарища ея сына, и доктора, пытавшихъ ее удержать.

Мать Свѣтлогуба была миловидная, еще не старая женщина, съ просѣдью въ выющихся волосахъ и морщинками вокругъ глазъ. Учитель, пріятель Свѣтлогуба, узнавъ, что подписанъ смертный приговоръ, захотѣлъ приготовить ее къ ужасной вѣсти. Но едва онъ заговорилъ о ея сынѣ, она по интонаціи его голоса и робѣющему взгляду угадала, что то, чего она ожидала съ такимъ ужасомъ, совершилось.

Это происходило въ небольшой комнатѣ лучшей гостиницы въ городѣ.

— Къ чему вы меня держите? Пустите — кричала она, порываясь высвободиться изъ рукъ доктора, стараго друга семьи, который одной рукой держалъ ея тонкій локоть, а дру-

гой ставилъ пузырекъ съ каплями на овальный столикъ передъ кушеткой. Она рада была, что они ее держатъ, потому что чувствовала, что должна что-то дѣлать, но что именно—не знала, и приходила въ ужасъ отъ себя самой.

— Успокойтесь. Примите немного валеріановыхъ капель,—сказалъ докторъ, поднося ей рюмку.

Она внезапно умолкла, изогнулась всѣмъ станомъ и, пригнувъ голову къ своей плоской груди, закрыла глаза и упала на диванъ.

И ей пришло на память, какъ три мѣсяца назадъ сынъ простился съ ней съ мрачнымъ, таинственнымъ лицомъ. Потомъ онъ представился ей восьмилѣтнимъ мальчикомъ, въ бархатной курточкѣ, съ голыми ножками и длинными волнистыми кудрями свѣтлыхъ волосъ.

— И это съ нимъ, съ нимъ, съ этимъ самымъ мальчикомъ... они это сдѣлаютъ.

Она вскочила, оттолкнула столъ и рванулась прочь отъ доктора, но у двери снова упала въ кресло.

— А они говорятъ, что есть Богъ! Что это за Богъ, если онъ допускаетъ! Проклинаю я этого Бога!—пронзительно крикнула она, истерически рыдая и хохоча.—Они повѣсятъ, повѣсятъ того, кто всѣмъ пожертвовалъ, всей своей будущностью, все свое состояніе положилъ на другихъ, на народъ, самъ отъ всего отрекся!—говорила она, хотя прежде она всегда осуждала сына за то самое, передъ чѣмъ преклонялась теперь, какъ предъ заслугой и самопожертвованіемъ.—И они это сдѣлаютъ съ нимъ А вы говорите,—есть Богъ!—выкрикивала она.

— Да я вовсе ничего не говорю. Я только васъ прошу принять этихъ капель.

— Ничего мнѣ не надо. А, а, а!...—закричала и зарыдала она, предаваясь отчаянію.

Къ вечеру она такъ изнемогла, что не могла больше ни говорить, ни кричать, и только смотрѣла въ пространство неподвижнымъ дикимъ взглядомъ. Докторъ сдѣлалъ ей впрыскиваніе морфіемъ и она заснула.

Сонъ былъ безъ сновидѣній, но возвращеніе сознанія было еще тягостнѣе, чѣмъ наканунѣ. Самой ужасной вещью было то, что люди могутъ быть такъ жестоки, не только эти ужасъ наводящіе генералы съ ихъ гладко выбритыми лицами и эти жандармы, но каждый, каждый. Горничная со спокойнымъ лицомъ явившаяся убрать комнату; сосѣди рядомъ, весело другъ съ другомъ здоровавшіеся и смѣявшіеся, какъ будто ровно ничего не случилось.

III.

Свѣтлогубъ больше мѣсяца сидѣлъ въ одиночномъ заключеніи и за это время прошелъ черезъ цѣлый рядъ внутреннихъ переживаній.

Съ дѣтства Свѣтлогубъ инстинктивно чувствовалъ все, что было несправедливаго въ его привилегированномъ положеніи бо-

гатаго чоловѣка, и хотя пытался заглушить это чувство, каждый разъ, когда ему бросалась въ глаза обездоленность народа, а порой просто тогда, когда онъ чувствовалъ себя особенно счастливымъ и радостно настроеннымъ и начиналъ сравнивать свое положеніе съ положеніемъ крестьянъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей—онъ испытывалъ чувство стыда. Тѣ рождались, вырастали и сходили въ могилу, не только лишенные всѣхъ тѣхъ удовольствій, которыми онъ пользовался, не придавая имъ никакой цѣны, но даже никогда не были свободны отъ безустаннаго труда и нужды.

По окончаніи университета, чтобы освободиться отъ этого чувства вины, онъ устроилъ у себя въ имѣніи образцовую школу, запасные магазины и убѣжище для неимущихъ и престарѣлыхъ. Но, какъ это не покажется страннымъ, занятый всѣмъ этимъ, онъ ощущалъ еще большій стыдъ передъ народомъ, нежели въ то время, когда кутилъ въ городѣ съ товарищами или тратилъ деньги на дорогихъ скаковыхъ лошадей. Онъ чувствовалъ, что поступаетъ не такъ, какъ надо; хуже того: во всемъ этомъ было что-то дурное, что-то вызывающее нравственную гадливость. Въ такой періодъ разочарованія онъ пріѣхалъ въ Кіевъ и здѣсь встрѣтился съ однимъ изъ самыхъ близкихъ своихъ университетскихъ пріятелей. Спустя три года этотъ товарищъ Свѣтлогуба былъ казненъ въ Кіевѣ за крѣпостнымъ валомъ.

Это былъ увлекающійся, восторженный челоѣкъ, весьма даровитый, и онъ уговорилъ Свѣтлогуба вступить въ общество, поставившее себѣ цѣлью просвѣтить народъ, развивая въ немъ сознаніе его правъ, съ тѣмъ, чтобы освободить его изъ-подъ власти помѣщиковъ и правительства. Сношенія съ этимъ товарищемъ и его друзьями помогли Свѣтлогубу окончательно разобратъ въ томъ, что до сихъ поръ представлялось ему лишь смутно. Теперь онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ своей задачѣ. Онъ вернулся въ деревню и тамъ, продолжая поддерживать сношенія съ новыми друзьями, началъ совершенно новую жизнь. Онъ сдѣлался школьнымъ учителемъ, устроилъ классы для взрослыхъ, сталъ имъ читать книги и брошюры и растолковывать крестьянамъ ихъ положеніе. Кромѣ того, онъ издавалъ запрещенную литературу и удѣлялъ изъ своего дохода все, что могъ удѣлить, ни въ чемъ не отказывая матери, на устройство подобныхъ же центровъ пропаганды въ другихъ селахъ.

Въ началѣ этой новой дѣятельности Свѣтлогубъ встрѣтилъ два неожиданныхъ препятствія. Одно изъ нихъ заключалось въ томъ, что большинство народа не только было безучастно къ его пропагандѣ, но относилось къ нему чуть ли не съ пренебреженіемъ,—только въ рѣдкихъ случаяхъ отдѣльныя личности выказывали ему пониманіе и сочувствіе, и зачастую это были люди сомнительной нравственности. Другое препятствіе исходило отъ правительства. Школу Свѣтлогуба закрыли, полиція нагрянула къ нему и къ его пріятелямъ съ обыскомъ, книги и бумаги были у нихъ отобраны.

Первому препятствію—равнодушію народа — Свѣтлогубъ не придавъ особаго значенія, слишкомъ уже возмущенный преслѣдованіями власти, безсмысленными и оскорбительными. То же чувство испытывали и его товарищи, работая въ разныхъ мѣстностяхъ, и раздраженіе противъ правительства, подогреваемое ими другъ у друга, достигло такой степени, что большинство въ ихъ кружкѣ рѣшилось на активную борьбу съ властью.

Съ этого момента главаремъ сдѣлался Меженецкій, слышій у всѣхъ за человѣка непреклонной воли и неотразимой логики, всецѣло преданнаго дѣлу революціи. Свѣтлогубъ подпалъ подъ вліяніе этого вожака и отдался террористической пропагандѣ съ той самой энергіей, съ какой онъ раньше работалъ среди крестьянъ. Это была опасная дѣятельность, но опасность то именно привлекала Свѣтлогуба.

Онъ сказалъ себѣ: «Либо побѣда, либо мученичество; если даже мученичество, то въ будущемъ оно можетъ стать побѣдой для нашего дѣла». И тотъ огонь, что въ немъ загорѣлся, вмѣсто того, чтобы погаснуть за семилѣтній періодъ его революціонной дѣятельности, разгорался съ еще большей силой, поддерживаемый любовью и уваженіемъ среды, въ которой онъ вращался.

Онъ не придавалъ никакого значенія тому факту, что онъ положилъ на это дѣло почти все свое состояніе—наслѣдственную часть послѣ отца,—не тяготился онъ также трудами и лишениями, которые теперь составляли его удѣлъ. Одно только ему было больно—то, что онъ своею дѣятельностью огорчалъ мать и ея воспитанницу, молодую дѣвушку, которая съ ней жила и которая его любила. Нѣсколько времени назадъ товарищъ-террористъ, къ которому Свѣтлогубъ не особенно былъ расположенъ, преслѣдуемый полиціей, попросилъ Свѣтлогуба спрятать у себя немного динамита. Тотъ согласился съ тѣмъ меньшимъ колебаніемъ и въ силу единственно того, что ему непріятенъ былъ этотъ товарищъ, а на другой день полиція явилась къ нему съ обыскомъ и открыла динамитъ. На всѣ вопросы, какъ и откуда онъ его досталъ, Свѣтлогубъ отвѣчалъ молчаніемъ.

И вотъ началось мученичество, котораго онъ ждалъ. Среди его друзей уже столько было казненныхъ, засаженныхъ въ тюрьмы, сосланныхъ, столько женщинъ успѣло пострадать за всѣ минувшіе годы, что Свѣтлогубъ чуть ли не желалъ для себя мученичества и въ первое время послѣ ареста и допроса онъ чувствовалъ большое облегченіе, чуть ли не радость.

Чувство это оставалось у него и тогда, когда онъ былъ арестованъ, обысканъ, приведенъ въ камеру, и когда желѣзная дверь хлопнулась за нимъ. Но когда затѣмъ миновалъ день, другой, третій, цѣлая недѣля и за ней еще и еще недѣли, проведенныя въ грязной, сырой камерѣ, кишѣвшей нечистью, въ вынужденномъ бездѣйствіи и одиночествѣ, нарушаемомъ только постукиваніемъ въ стѣну къ сосѣдямъ по заключенію, передававшимъ лишь недобрыя и печальныя вѣсти, а временами перекрест-

нымъ допросомъ суровыхъ и враждебныхъ людей, пытавшихся заставить его выдать его товарищей, — его нравственные силы, наравнѣ съ физическими, стали по немногу ослабѣвать, онъ впалъ въ совершенное уныніе и, какъ онъ внутренно себѣ говорилъ, одного только желалъ—чтобы такъ или иначе кончилось это невыносимое положеніе. Его тревога усилилась вслѣдствіе зародившагося въ немъ сомнѣнія—хватитъ ли у него выносливости. На второмъ мѣсяцѣ заключенія онъ поймалъ себя на мысли—признаться во всемъ, чтобы быть выпущеннымъ на свободу. Онъ ужаснулся своей слабости, онъ больше не находилъ въ себѣ обычной бодрости, но ненавидѣлъ и презиралъ себя, и это чувство въ немъ мучительно обострялось. Но всего ужаснѣе было то, что онъ сталъ сокрушаться о своихъ молодыхъ силахъ, о радостяхъ, такъ легко приносимыхъ имъ въ жертву, пока онъ былъ на свободѣ, радостяхъ казавшихся ему теперь такими упоительными, что онъ не могъ не сожалѣть объ ихъ утратѣ и даже начиналъ отрицательно относиться къ своему недавнему прошлому. Ему случалось думать о томъ, какъ счастливо онъ могъ бы жить на свободѣ, въ деревнѣ или за-границей, среди любимыхъ и любящихъ существъ. Какъ могъ бы жениться на ней или на комъ другомъ и жить вдвоемъ безмятежной, простой, радостной жизнью.

Въ одинъ изъ тягостно-однообразныхъ дней, на второй мѣсяцѣ заключенія, тюремный смотритель, во время обычнаго обхода камеръ, далъ Свѣтлогубу книжечку съ золоченымъ крестомъ на темно-коричневомъ переплетѣ, сказавъ, что супруга начальника губерніи оставила нѣсколько экземпляровъ евангелія, которые ему дозволено раздать арестантамъ. Свѣтлогубъ поблагодарилъ его съ легкой усмѣшкой и положилъ книгу на столикъ, привинченный къ стѣнѣ.

Оставшись одинъ, Свѣтлогубъ стукомъ въ стѣну передалъ сосѣду о посѣщеніи смотрителя, который не сообщилъ ему ничего новаго, только принесъ евангеліе, и сосѣдъ отвѣчалъ, что то же самое произошло и въ его камерѣ.

Затѣмъ Свѣтлогубъ открылъ книжечку, въ которой страницы слиплись отъ сырости, и началъ читать. Онъ раньше никогда не читалъ евангелія, какъ обыкновенную книгу. Онъ зналъ изъ нея только то, что проходилъ съ законоучителемъ въ гимназіи и что читаютъ нараспѣвъ въ церкви священники и діаконы.

«Глава I. Родословіе Іиусуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Авраамъ родилъ Исаака, Исаакъ родилъ Іакова, Іаковъ родилъ Іуду»—читалъ Свѣтлогубъ. «И Зоровавель родилъ Авіуда»...—читалъ онъ дальше. Все это было тѣмъ самымъ, чего онъ ожидалъ: страннымъ, сбивчивымъ, лишеннымъ всякаго смысла. Не будь онъ въ тюрьмѣ, онъ не въ состояніи былъ бы одолѣть одной страницы, но здѣсь продолжалъ читать ради процесса чтенія. Свѣтлогубъ прочелъ первую главу о рожденіи отъ

лагалъ свою славу въ хорошемъ мнѣніи обо мнѣ тѣхъ, кого я любилъ и чтилъ: Наташи, Дмитрія Шеломова. Но и тутъ въ меня закралось сомнѣніе, и я почувствовалъ внутренній разладъ. Только тогда я примирился съ собой, когда сталъ дѣйствовать исключительно подъ вліяніемъ настойчивыхъ запросовъ моей души когда я пожелалъ всего себя безъ остатка отдать на это дѣло.

Съ того вечера Свѣтлогубъ большую часть дня проводилъ надъ евангеліемъ и въ размышленіяхъ, которыя оно вызывало. Это порождало въ немъ умиленное состояніе духа, въ которомъ онъ смотрѣлъ на свое положеніе съ извѣстной высоты, и заставляло мысль работать такъ усиленно, какъ она никогда раньше не работала. Онъ удивился, отчего люди всѣ безъ исключенія не живутъ такъ, какъ сказано въ этой книгѣ.

— Это хорошо не только для отдѣльной личности, но и для всѣхъ. Если бы всѣ стали такъ жить, не было бы ни нужды, ни горя, но одно блаженство. Лишь бы только это, кончилось, лишь бы я опять зажилъ на свободѣ,—думалось ему иногда,—должны же они или выпустить меня въ концѣ-концовъ, или отправить на каторгу. Это все равно, вездѣ можно жить по евангелію. Я такъ и буду жить. Это возможно и необходимо, жить иначе—безуміе.

V.

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда онъ былъ въ радостномъ, приподнятомъ состояніи духа, въ его камеру въ необычный часъ вошелъ смотритель и спросилъ, хорошо ли онъ себя чувствуетъ и не желаетъ ли чего-нибудь. Свѣтлогубъ былъ изумленъ, не понимая, что означаетъ подобная перемена, и попросилъ папирсъ, ожидая отказа. Но смотритель общалъ немедленно прислать ихъ, и, дѣйствительно, сторожъ принесъ ему пачку папирсъ и спичекъ.

— Вѣроятно, кто-нибудь за меня просилъ,—подумалъ Свѣтлогубъ и, закуривъ папирсу, зашагалъ по камерѣ, соображая что значить эта перемена.

На другой день его повезли въ судъ. Одинъ изъ судей, не глядя на него, поднялся съ кресла, а за нимъ и другіе и, держа въ рукахъ бумагу, сталъ читать громкимъ, неестественнымъ и ничего не выражающимъ голосомъ.

Свѣтлогубъ слушалъ и смотрѣлъ въ лицо судьямъ. Всѣ они избѣгали смотрѣть на него и только слушали съ торжественнымъ и мрачнымъ видомъ.

Въ бумагѣ говорилось, что Анатолій Свѣтлогубъ, уличенный въ революціонной агитаціи съ цѣлью ниспроверженія въ близкомъ или далекомъ будущемъ существующаго правительства, приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ и смертной казни черезъ повѣшеніе.

Свѣтлогубъ слушалъ и схватывалъ внѣшній смыслъ словъ, произносимыхъ офицеромъ. Онъ замѣтилъ, какъ нелѣпо выраженіе «въ близкомъ или далекомъ будущемъ» и лишеніе правъ

человѣка, приговореннаго къ смерти, но рѣшительно не могъ уловить подлиннаго значенія того, что было ему прочитано.

Лишь послѣ того, какъ его отпустили, и онъ вдвоемъ съ жандармомъ вышелъ на улицу, онъ началъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что ему было объявлено.

— Тутъ что-то упущено, что-то не такъ... какая-то нелѣпость! Этого быть не можетъ,—говорилъ онъ самъ съ собой, когда его везли назадъ въ тюрьму.

Въ себѣ самомъ онъ ощущалъ такой избытокъ жизненныхъ силъ, что не могъ вообразить себѣ смерть, не могъ связать сознаніе своей личности со смертью, съ отсутствіемъ своего «я».

Вернувшись въ тюрьму, Свѣтлогубъ сѣлъ на постель и, закрывъ глаза, пытался ясно представить себѣ, что его ожидало, но это оказалось невозможнымъ. Онъ былъ положительно неспособенъ вообразить себѣ картину собственнаго небытія или тотъ фактъ, что люди хотятъ, будто бы, его убить.

— Меня, молодого, добраго, счастливаго, у котораго столько любящихъ его людей, думалъ онъ, и вспоминалъ любовь къ нему матери, Наташи, друзей,—меня то убить, повѣсить! Да кто на это рѣшится и къ чему? А потомъ, какъ же здѣсь безъ меня обойдутся, когда меня больше не будетъ? Не можетъ этого быть...

Вошелъ смотритель. Свѣтлогубъ сначала его не замѣтилъ.

— Кто это? Что вамъ надо?—сказалъ онъ, не узнавая смотрителя.—Ахъ да, это вы. Прекрасно, когда же это будетъ?—спросилъ онъ.

— Я не знаю,—отвѣчалъ тотъ, и съ минуту постоявъ молча, заговорилъ вкрадчивымъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Пришелъ тюремный священникъ. Онъ хотѣлъ бы приготовить... хотѣлъ бы съ вами видѣться.

— Это лишнее, лишнее! Мнѣ ничего не надо, уходите!—закричалъ Свѣтлогубъ.

— Хорошо, но не пожелали ли бы вы кому-нибудь написать? Это разрѣшается,—сказалъ смотритель.

Да, да. Пришлите все, что нужно, я напишу.

Смотритель удалился.

— Очевидно, это будетъ завтра утромъ,—подумалъ Свѣтлогубъ.—Такъ всегда бываетъ. Завтра утромъ меня не станетъ... Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы это была правда, это сонъ!

Но вошелъ сторожъ, реальная, знакомая ему фигура, и принесъ два пера, чернила, почтовой бумаги и нѣсколько синихъ конвертовъ и придвинулъ стулъ къ столу. Все это была самая настоящая дѣйствительность, а не сонъ.

— Не надо думать, не надо. Да, да, я напишу матушкѣ,—сказалъ Свѣтлогубъ.

Онъ сѣлъ за столъ и немедленно началъ писать.

«Безцѣнная мама»,—написалъ онъ, и заплакалъ.—Прости меня, прости за все горе, которое я тебѣ доставилъ. Заблуждался я или нѣтъ, но я не могъ поступить иначе. Объ одномъ я тебя